

УДК 340.13

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**LEGAL REGULATION IN THE CONDITIONS
OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS**

**Е.Е. Тонков, Л.А. Пожарова
E.E. Tonkov, L.A. Pozharova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru

Аннотация

Переход современного российского общества к цифровой модели развития затрагивает и сферу правового регулирования. Учитывая, что механизм, наделенный искусственным интеллектом, способен эффективно осуществлять систематизацию и предварительную подготовку документов, необходимых правоприменителю для анализа рассматриваемой конфликтной ситуации, выполнять типовые стандартизированные процедуры авторы обосновывают позицию, что цифровизация представляет собой лишь один из действенных способов оптимизации правового регулирования при помощи информационных и коммуникационных технологий. В настоящее время отсутствуют веские доводы и основания для придания феномену цифровизации статуса панацеи от всех бед российской юридической действительности и большинства социальных проблем. Все наукообразные попытки доказать обратное обусловлены в значительной степени конъюнктурными соображениями.

Abstract

The authors consider the main problems of legal regulation, the emergence of which is due to the digitalization of society. Taking into account that the mechanism endowed with artificial intelligence is able to effectively carry out the systematization and preliminary preparation of documents necessary for the law enforcement officer to analyze the conflict situation under consideration, to perform standard procedures, the position that digitalization is one of the effective ways to optimize legal regulation with the help of information and communication technologies is justified. At the same time, the authors believe that at present there are no strong arguments and grounds for giving the phenomenon of digitalization of the law the status of a panacea for all the ills of the Russian legal reality and most social problems. All science-like attempts to prove the opposite are largely due to market considerations.

Ключевые слова: государство, право, законодательство, цифровизация, информатизация, информационное общество, искусственный интеллект, правовое регулирование, юридические формы.

Key words: state, law, legislation, digitalization, Informatization, information society, artificial intelligence, legal regulation, legal forms.

Широко анонсируемый переход современного российского общества к цифровой модели развития предполагает определенный перенос акцентов в интересах и потребностях государства и личности, которые подчас носят диаметрально противоположный характер.

Это существенно влияет на саму парадигму управления государством, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют осмысления. Характерно, что именно государство является инициатором процессов цифровой трансформации общества, что означает создание информационных систем и информационного пространства, в котором свободно распространяется информация.

Вместе с тем данная проблема не может считаться новой, несмотря на активные усилия ее апологетов убедить в этом население. Еще в 1993 году Указом Президента РФ была утверждена Концепция правовой информатизации России [Указ..., 1993], а двумя годами позже принята президентская программа «Правовая информатизация органов государственной власти Российской Федерации» [Указ..., 1995]. В ней, в частности, отмечалось, что «в качестве основных средств тиражирования и распространения эталонных баз правовой информации должны использоваться высокоскоростные каналы и системы цифровой передачи данных, обеспечивающие конфиденциальность, безопасность, надежность и своевременность передачи информации» [Указ..., 1995].

В 2002 году была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)» [Постановление..., 2002], а после ее завершения – государственная программа «Информационное общество» [Постановление..., 2014], которые предусматривали использование в экономике страны широкого спектра сетевых технологий, создание разделов «Электронное правительство» и «Электронные услуги» на официальных сайтах правительств в субъектах Российской Федерации.

В 2006 году издается Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Федеральный..., 2006], который предусматривает свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом. Уже почти десятилетие реализуются федеральные законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Федеральный..., 2009] и «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Федеральный..., 2010].

Кроме того, в 2017 году Президентом страны утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, которая определила цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики нашего государства в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [Указ..., 2017]. Тем самым обеспечено формирование достаточно прочного нормативно-правового каркаса для регулирования процессов информатизации и развития информационных технологий на федеральном и региональном уровнях. Вот почему нет веских доводов и оснований для придания феномену цифровизации статуса панацеи от всех бед российской юридической действительности и большинства социальных проблем, а все наукообразные попытки доказать обратное продиктованы, на наш взгляд, конъюнктурными соображениями. Цифровизацию следует рассматривать лишь как один из дополнительных способов оптимизации правового регулирования при помощи цифровых технологий и не проявлять в ее отношении неоправданный фетишизм. Более того, по нашему мнению, общество пока не осознает всех масштабов неопределенности, которую несет расширение неконтролируемого цифрового пространства.

Вполне популистскими выглядят сентенции председателя правления Сбербанка Г. Грефа о том, что «нейронная сетка» готовит иски значительно лучше, чем юристы, и 450 юристов, работавших в компании и готовивших иски, были сокращены [Петров, 2017]. Действительно, с помощью интеллектуальной платформы можно подготовить шаблонные заявления для заполнения потребителями каких-то услуг, однако в большинстве случаев юристы имеют дело с персонифицированными ситуациями,

огромным объемом различных индивидуальных особенностей и обстоятельств, разобраться в существовании которых и оценить их соответствующим образом роботу вряд ли под силу.

Особенно досадно, когда к восторженным ожиданиям от цифровизации присоединяются состоявшиеся ученые, представляющие авторитетные научные учреждения. Так, Э.В. Талапина формирует проблемный аспект, связанный с субъектами права, – технологически обусловленное появление новых субъектов, тех же роботов. По ее мнению, мы имеем дело с новой «цифровой личностью», новым субъектом права наряду с человеком [Талапина, 2018, с. 9]. При этом, определяя тенденции развития права под влиянием технологического фактора, она достаточно безапелляционно утверждает, что «выделяемые в теории основные признаки права... в цифровую эпоху теряют прежний смысл» [Талапина, 2018, с. 15].

Высоко оценивая преимущества и в каком-то смысле неизбежность цифровизации, следует понять, что существование гражданского общества, реальной демократии, правового государства, в первую очередь, подразумевают приоритет права и закона. Цивилизованное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать эффективным и адекватным инструментарием, позволяющим осуществлять надежное противостояние тем скрытым угрозам, которые содержит эйфория от цифровизации и совершаемые под ее эгидой реформации в характеристике правоотношений.

Очевидно, что цифровизация экономики подразумевает многочисленные варианты трансформации управленческих функций, которые нецелесообразно все без исключения трактовать как правоотношения. Различаются потенциальная возможность и действительность возникновения правоотношений в процессе государственного управления. Осуществляя воздействие на социальную среду путем формирования соответствующих правовых норм, власть в лице государства исходит из собственных интересов и потребностей. Юридические формы деятельности государства получают при этом импульс к своему дальнейшему развитию и совершенствованию в результате столкновения и борьбы интересов различных носителей властных полномочий.

Д.А. Пашенцев справедливо отмечает, что «внедрение цифровых технологий в юридическую практику позволяет автоматизировать ряд процессов, которые раньше могли осуществляться лишь при прямом участии субъекта права» [Пашенцев, 2019, с. 7]. Однако в качестве примера он приводит «внедрение электронного правосудия, при котором решение по типичным делам может принимать робот, а не живой судья» [Пашенцев, 2019]. С этим, безусловно, нельзя согласиться. Трудно даже представить, что так называемые «типичные дела» начнет рассматривать судья-автомат или робот-полицейский. Думается, что участников таких процессов, особенно подсудимых и потерпевших, ожидает незавидная участь.

Нельзя забывать, что важнейшую роль в судебном процессе играет судебное усмотрение, т.е. *мыслительная* деятельность конкретного судьи по конкретному делу, которая в качестве результата представляет собой вполне определенное решение, принятое на основе анализа альтернативных вариантов, предлагаемых законодательством. Электронный судья-робот при всем своем совершенном устройстве к мыслительной деятельности не способен, в связи с чем реализация такого неотъемлемого атрибута судопроизводства, как судебное усмотрение ставится под сомнение.

Более того, под угрозой могут оказаться дискреционные полномочия судебной власти, под которыми понимаются «направленные на преодоление фактической и правовой неопределенности и допускаемые принципами уголовного судопроизводства полномочия суда применять на основе внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов» [Пронин, 2010, с. 7]. Данные опасения распространяются и на производство по гражданским делам. Робот, по нашему мнению, вообще не может быть ни в какой, даже самой отдаленной перспективе управомоченным субъектом, наделенным государством полномочиями принятия правомерных решений и совершения соот-

ветствующих действий. Для достижения определенности суд обязан не просто руководствоваться действующим законодательством, массив которого успешно может сосредотачиваться в цифровом формате, но и во многом принимать во внимание конкретные обстоятельства рассматриваемого дела, исходя не только из принципов права, но и морали. Доступна ли такая «неоднородная» среда электронному правосудию – большой вопрос.

Впрочем, Д.А. Пашенцев предполагает автоматизацию таких профессий, как секретарь судебного заседания и нотариус. Нам представляется, что даже поверхностное ознакомление с перечнем должностных обязанностей секретаря судебного заседания и, тем более, с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, дают веские основания усомниться в возможности реализации на практике подобных гипотез.

Полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных инстанциях М. Барщевский, комментируя аналогичные предложения, отметил: «...я не понимаю, как компьютер сможет удостоверить завещание, разъяснив при этом завещателю его права» [Петров, 2017].

На наш взгляд, в чем-то они перекликаются с воззрениями французского утописта XIX века Т. Дезами, который составил список профессий, подлежащих ликвидации в коммунистическом обществе: «Хищная порода судопроизводителей, законоведов, судебных исполнителей, нотариусов, стряпчих, адвокатов, третейских судей, членов примирительных комиссий и т.д. ...будет упразднена» [Дезами, 1956, с. 165].

Вполне вероятно, что механизм, наделенный искусственным интеллектом, способен осуществлять систематизацию и предварительную подготовку документов, необходимых правоприменителю для анализа конфликтной ситуации, выполнять типовые стандартизированные процедуры. Думается, что робот будет справляться с этой задачей лучше человека. По словам В.Д. Зорькина, «цифровые технологии могут существенно повысить качество правоприменения в органах исполнительной власти» [Зорькин, 2018].

Активно внедряемые в судебную деятельность информационные новшества (подача исков и их регистрация в электронном виде, движение дела между судами в электронной форме, заседание с помощью видеоконференций, отправка уведомлений участникам судебного процесса с помощью смс-сообщений или по электронной почте и т.д.) не должны влиять на сущность механизма принятия решения по делу, оставляя его исключительной прерогативой суда.

Мы солидарны с позицией Н.А. Петухова и М.В. Чижова по поводу того, что «применяемые в ходе осуществления правосудия информационные и коммуникационные технологии являются одним из способов повышения эффективности правосудия, но не свидетельствуют о переходе к новому типу правосудия – электронному правосудию» [Петухов, Чижев, 2015, с. 17]. Использование искусственного интеллекта не может и не должно заменить принятие обоснованного решения юристом-профессионалом по внутреннему убеждению, как это предписывают принципы правосудия. Как справедливо подчеркивают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, «все нормы права, в том числе и процессуальные, а также методики, выработанные юридической наукой, никогда не содержат всей полноты информации для разрешения конкретного дела – ситуации. Поэтому навыки человека, выступающего субъектом в данном конкретном случае, и образуют каркас юридической практики» [Хабриева, Черногор, 2018, с. 90].

Содержание правового регулирования фактически опосредовано множеством целей и интересов субъектов правоотношений и существенно зависит от них, поэтому доверить его обеспечение электронному фантому было бы не только легкомысленно, но и безрассудно. Цифровизация мировой экономики неизбежно влечет за собой изменения процессов правовой регуляции. Различные юридические и неюридические формы государственной деятельности, реализуемые основными звеньями государственного механизма, равно как и всей системой государственных органов, будут испытывать в связи с этим соответствующее воздействие. Однако специфика их организации и структуры, занимаемое

ими место в системе механизма государства, органически связанное с формами их деятельности, не может претерпевать принципиальных изменений. Как формы государственной власти, так и структура органов, осуществляющих эту деятельность, подчинены задачам наиболее успешного претворения в жизнь основных функций государства и не могут находиться в зависимости от цифровизации.

Государство в условиях цифровизации общества уже испытывает дефицит эффективных средств для разумного разрешения возникающих проблем. К ним, в частности, относятся следующие:

- юридические пробелы в регулировании деятельности постоянно возникающих на основе цифровизации объединений, корпораций, союзов, агентств, ассоциаций и т.д.;
- недостаточность действенных и надежных правовых инструментов, позволяющих верифицировать полезность для государства и общества создаваемых структур;
- отсутствие конкретности и правовой определенности в их учредительной документации и программах;
- несоразмерные административные барьеры на пути конкурентоспособных организаций и учреждений, имеющих скептическое отношение к цифровизационной эйфории.

Г.В. Мальцев пророчески писал о том, что «современному технизированному миру, вступившему в эпоху информатизации, предлагается очередная социальная утопия, которая пытается сделать прорыв и пойти дальше зашедших в тупик идеологических споров, противоречий между индивидуализмом и коллективизмом, консерватизмом и либерализмом, капитализмом и социализмом» [Мальцев, 2008, с. 272].

Особенно важно, чтобы в погоне за всеобщей цифровизацией мы не утратили главное содержание правового государства, а именно: верховенство права и законности на фоне констатируемого многими учеными снижения качества и эффективности правового регулирования. По мнению Н.А. Власенко, «кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного инструмента, без которого цивилизованное общество существовать не может» [Власенко, 2015, с. 303].

Неблагоприятный прогноз указанной ситуации может существенно усугубиться прогрессирующими негативными процессами в экономике, несмотря на оптимистические заявления приближенных к власти политологов, возглавляющих якобы независимые фонды и другие структуры, финансируемые правительством непосредственно или опосредованно. Вместе с тем механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Достижению такого результата должны быть подчинены усилия всех составных элементов механизма правового регулирования.

Правовое регулирование – юридическая функция, реализуемая государством в процессе воздействия на общественные отношения, посредством которой поведение субъектов права приводится в соответствие с требованиями и дозволениями, содержащимися в законодательстве, легитимность и обязательность исполнения которых поддерживается обществом и обеспечивается возможностями применения властной силы государства. Правовое регулирование можно рассматривать как часть государственного управления, поскольку эта функция принадлежит исключительно государству, которое выступает гарантом права, обладая при этом исключительной монополией на правоприменительную и правоохранительную деятельность.

Общественные отношения, в которых выражен государственный интерес, т.е. практически реализуются задачи и функции государства по управлению делами общества, возникают, изменяются и прекращаются не только в связи с организацией и функционированием органов государственной власти, но и в связи с реализацией функций государственной власти в соответствии с компетенцией и полномочиями.

По мнению Т.Я. Хабриевой, «мы сейчас находимся в той стадии развития правовой среды, когда в целях создания цифровой экономики государство будет пытаться использовать не только нормы частного права, но и инструменты публичного права, где регулятивная роль государства больше» [Хабриева, 2019, с. 18]. Вот почему принципиально важно отделить юридические формы государственной деятельности от неправовых (неюридических), к которым, несомненно, относится и так называемая цифровизация. Мы придерживаемся позиции Н.И. Матузова в том, что в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство [Матузов, 2003, с. 103].

Человеческое общество всегда испытывало дефицит точных и совершенных правовых решений, в результате которых создавались бы справедливые нормы права, правила поведения граждан и организаций. Таких решений очень не хватало и Советскому государству, однако этот нормативно-правовой дефицит был вызван не упущениями в теоретических изысканиях в сфере правотворческой деятельности (таких работ было достаточно), а другими, лежащими за пределами науки причинами.

Технологические возможности цифровизации располагают необходимым потенциалом для совершенствования правотворческой работы и в целом законодательства, однако эти возможности целесообразно рассматривать в качестве дополнительной поддержки усилий и мыслительных способностей реальных субъектов правотворчества. Учитывая, что сознание личности и его компоненты представляют собой довольно гибкий материал, способный преобразовываться в многомерные комбинационные построения, особенно под воздействием новых идей и различных перспективных линий, необходимо с достаточной осторожностью использовать возможности цифровизации в процессе государственного управления.

Цифровизация требует поиска взаимоприемлемых решений и инициативного взаимодействия личности и общества. Необходимо, чтобы не только государство, но и само общество проявили желание разрешить возникающие проблемы. Без этого невозможно обеспечить эффективность социального взаимодействия и адекватной коммуникации. Правовые ограничения призваны при этом обозначить пределы негативной активности в цифровой среде и создать условия для повышения уровня адекватного противодействия в случае необходимости охраны и защиты прав человека.

Степень жесткости юридического регулирования, наличие ограничений для активности субъектов права зависит от политического режима, сложившегося в государстве, демонстрирующего соотношение и взаимодействие гражданского общества и государства, объем политических, социальных, экономических прав и свобод личности и реальные возможности их осуществления. В цифровую эпоху особое звучание получает социальное поведение субъектов права, которое осуществляется преимущественно через виртуальную интеракцию.

Современные демократические принципы предполагают усиление роли гражданского общества, населения и граждан в выполнении и переориентации государственных функций. Цифровизация может способствовать выстраиванию партнерских отношений государства и личности, которые пока не получили заметного развития и распространения, стать определенным противовесом нарастающего расширения в обществе государственного пространства институциональным методом, когда постоянно учреждаются дополнительные государственные институты, обрастающие многочисленными вспомогательными органами.

Список литературы

1. Власенко Н.А. 2015. Избранное. М., Норма. 688 с.
2. Дезами Т. 1956. Кодекс общности. М., Издательство Академии Наук СССР, 544 с.

3. Зорькин В.Д. 2018. Право в цифровом мире. Российская газета, 115(7578). URL: <https://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=648247> (дата обращения 20 мая 2019 г.).
4. Мальцев Г.В. 2008. Нравственные основания права. М., Издательство Современного гуманитарного университета: 522 с.
5. Матузов Н.И. 2003. Актуальные проблемы теории права. Саратов, Издательство Саратовской государственной академии права: 512 с.
6. Пашенцев Д.А. 2019. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации. Журнал российского права, 2: 5–13.
7. Петров И. 2017. Погрешность. Российская газета, 163(7329). URL: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekcij-pered-studentami-vzorval-set.html> (дата обращения 29 мая 2019 г.).
8. Петухов Н.А., Чижов М.В. 2015. Соотношение понятий «правосудие» и «электронное правосудие». Российское правосудие, 6: 13–18.
9. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002–2010 годы)"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
10. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
11. Пронин К.В. 2010. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 25 с.
12. Талапина Э.В. 2018. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. Журнал российского права, 2: 5–17.
13. Указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98561/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
14. Указ Президента РФ от 04.08.1995 № 808 «О президентских программах по правовой информатизации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=229291#027876485657201777> (дата обращения 20 мая 2019 г.).
15. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
17. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
18. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
19. Хабриева Т.Я. 2019. Право в условиях цифровизации. СПб, СПбГУП: 36 с.
20. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. 2018. Право в условиях цифровой реальности. Журнал российского права, 1: 85–102.

References

1. Vlasenko N.A. 2015. Izbrannoye [Favourites]. M., Norma: 688 p.
2. Dezami T. 1956. Kodeks obshchnosti [Code of community]. M., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR: 544 p.
3. Zorkin V.D. 2018. Pravo v tsifrovom mire [Law in the digital world]. Rossiyskaya gazeta, 115(7578). Available at: <https://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=648247> (accessed 20 May 2019 g.).
4. Maltsev G.V. 2008. Nravstvennyye osnovaniya prava [Moral grounds of law]. M., Izdatel'stvo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta: 522 p.
5. Matuzov N. I. 2003. Aktualnyye problemy teorii prava [Actual problems of the theory of law]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava: 512 p.
6. Pashentsev D.A. 2019. Rossiyskaya zakonotvorcheskaya traditsiya pered vyzovom tsifrovizatsii [Russian legislative tradition facing the challenge of digitalization]. Zhurnal rossiyskogo prava, 2: 5–13.

7. Petrov I. 2017. Pogrefnost [Pogrefnost]. Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper], 163(7329). Available at: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekcij-pered-studentami-vzorval-set.html> (accessed 29 May 2019 g.).
8. Petukhov N.A., Chizhov M.V. 2015. Sootnosheniye ponyatiy «pravosudiye» i «elektronnoye pravosudiye» [The relationship between the concepts of "justice" and "electronic justice"]. Rossiyskoye pravosudiye, 6: 13–18.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.01.2002 № 65 «On the Federal target program "Electronic Russia (2002–2010)»». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 313 "On approval of the state program of the Russian Federation "Information society"». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
11. Pronin K.V. 2010. Diskretnionnyye polnomochiya suda v ugovnom sudoproizvodstve [Discretionary powers of the court in criminal proceedings]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk. 25 p.
12. Talapina E.V. 2018. Pravo i tsifrovizatsiya: novyye vyzovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. Zhurnal rossiyskogo prava, 2: 5–17.
13. The decree of the President of the Russian Federation from 28.06.1993 № 966 «On the Concept of legal Informatization of Russia». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98561/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
14. The decree of the President of the Russian Federation dated 04.08.1995 № 808 «About the presidential programs of legal Informatization». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=229291#027876485657201777> (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
15. The decree of the President of the Russian Federation from 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy of information society development in the Russian Federation for the years 2017–2030». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
16. Federal law No. 149–FZ of 27.07.2006 «On information, information technologies and information protection». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
17. Federal law No. 8–FZ of 9.02.2009 «On access to information on the activities of state and local self-government bodies». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
18. Federal law of 27.07.2010 № 210–FZ «On the organization of state and municipal services». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
19. Khabriyeva T.Ya. 2019. Pravo v usloviyakh tsifrovizatsii [Law in the conditions of digitalization]. SPb, SPbGUP: 36 p.
20. Khabriyeva T.Ya., Chernogor N.N. 2018. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti [Law in the conditions of digital reality]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law], 1: 85–102. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Тонков Е.Е., Пожарова Л.А. 2019. Правовое регулирование в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 490–497. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

Tonkov E.E., Pozharova L.A. 2019. Legal regulation in the conditions of digitalization of society: problems and prospects. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 490–497 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497